

УДК 82

**ОБРАЗ СТРАНСТВУЮЩЕГО ОФИЦЕРА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

© 2009 г.

И.С. Юхнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.10.2008

Исследуется образ странствующего офицера, который выступает в романе как повествователь, издатель путевых записок и «Журнала Печорина». Герой охарактеризован как альтернативный Печорину психологический тип.

Ключевые слова: Лермонтов, странствующий офицер, путевые записки.

Исследователи говорят о «стереоскопичности изображения Печорина» [1, с. 132], так как читательское представление о нем формируется на основе сопряжения разных восприятий, разных точек зрения. Одни из них принадлежат рассказывающим персонажам, а потому очевидны, другие передаются косвенно, через «посредников»: это оценки княжны Мери, драгунского капитана, Грушницкого (вспомним хотя бы слова, произнесенные во время дуэли), Веры (ее письмо) и др. При этом, как замечено, «рассказывающий у Лермонтова может или вовсе не понимать истинного смысла событий, которым он был свидетель (Максим Максимыч в «Бэле»), или, оценивая личность другого, не видеть своего родства, своей близости к ней (офицер-рассказчик – Печорин, Печорин – Грушницкий). Предисловие к «Журналу Печорина» отмечено тем же нарочитым желанием отстраниться, иронически и бесстрастно оценить иную жизнь <...>. Читателю же очевидна общность, складывающаяся помимо субъективных желаний, как следствие принадлежности к одному времени, одному типу, «породе»» [2, с. 122].

Представление о герое формируется на основе его автопризнаний, а также оценок Максима Максимыча, автора (первое «Предисловие») и такого персонажа, которого чаще всего именуют «странствующим офицером». Определение это закрепилось с легкой руки С.Н. Дурылина, который не подвергает сомнению принадлежность повествователя к военной среде. Однако в недавно переизданных комментариях ученого есть уточнение А. Аникина: «Роль повествователя в романе велика, но есть сомнения, что он офицер. Это определение Дурылин повторяет с учетом первой публикации в журнале «Отечественные записки», где значилось

«Из записок офицера на Кавказе». Но все же роман как законченное произведение появился без этого указания, а в характере рассказчика и его беседах с Максимом Максимычем нет ничего, что указывало бы на офицера. Скорее даже, наоборот, многое изобличает штатского [3, с. 152].

С.Н. Дурылин, детально проанализировавший черновые варианты романа, последовательно помещает героя-рассказчика в офицерско-оппозиционный круг. Комментируя строку «И ты, изгнанница», думал я, «плачешь о широких, раздольных степях!..» (здесь и далее пунктуация сохранена. – И.Ю.), он пишет: «Обращение автора записок к метели – как к тоскующей и рвущейся на волю «изгнаннице» – принявшее форму стихотворения в прозе, – дает право думать, что этот офицер, подобно Печорину и самому Лермонтову, был подневольным кавказцем, «изгнанником с милого севера в сторону южную» [3, с. 169]. Таким образом, для Дурылина рассказчик не просто офицер, но офицер, сосланный на Кавказ, а если продолжить рассуждения в этом ключе, учесть, что он человек пишущий, то сослан не за дуэль или подобного рода дисциплинарный проступок, а за творчество, из-за убеждений.

Однако цельной концепции образа у С.Н. Дурылина все-таки нет, он ограничивается лишь разрозненными замечаниями и даже не включает завершеного параграфа по образу странствующего офицера в главу «Вокруг Печорина», как это делает в отношении Максима Максимыча, Вернера, Грушницкого, Бэлы, Веры. Отчасти это может быть объяснено тем, что он рассматривает героев, имеющих прямое отношение к событиям, изображаемым в произведении, повествователь же остается

сторонним лицом, наблюдателем, его путь лишь на мгновение пересекается со странствиями Печорина, когда он стал свидетелем его встречи с Максимом Максимычем на владикавказской станции, но серьезного личностного контакта, кроме обмена репликами, между ними не произошло.

В. Мануйлов, автор другого комментария к роману, называет этого героя «офицером – автором путевых записок» [4, с. 33], «автором». Однако последнее обозначение – «автор» – затрудняет понимание, так как при подобной номинации нет различия автора-Лермонтова и автора-путешественника, тем более странно, что авторское слово вычленено в произведении, оно звучит в предисловии к роману. В характеристике персонажа (а он, напомним, ведет повествование в первой части произведения, во второй выступает как издатель, отобравший фрагменты из «Журнала Печорина») В. Мануйлов следует за С.Н. Дурылиным. Он характеризует создателя путевых записок следующим образом: это «русский офицер, странствующий «с подорожной по казенной надобности», смотрит на кавказскую природу и кавказский быт глазами русского человека: «...и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякивание русского колокольчика» [4, с. 35], «странствующий, наблюдающий жизнь и записывающий свои впечатления молодой офицер, образ которого явно автобиографичен» [4, с. 33]. Исследователь также отмечает, что «рассказчик, который впервые знакомит читателя с Печориным и его жизнью, превращен из условного персонажа (как это обычно бывало раньше в романтических повестях) в совершенно реальный образ человека, принимающего участие в событиях, о которых он ведет рассказ» [4, с. 198–199]. Однако эта мысль о «реальности образа» не развивается. В. Мануйлов то отождествляет автора записок с Лермонтовым (так формируется мысль об автобиографичности героя), то уподобляет его Печорину. Основания для этого – ведение записей и странствия по Кавказу. Но в романе нет никаких указаний на то, что рассказчик странствует не по доброй воле, что это вынужденное путешествие. А самоаттестация: «Мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности» – реалия из дневника Печорина, а не из записок повествователя.

Совмещение кругозоров автора и рассказчика в комментарии происходит не раз. Например, в пояснении к портрету Печорина в главе «Максим Максимыч», где, как мы помним, выражена

точка зрения «странствующего офицера», его видение, читаем: «У Лермонтова был свой метод. На него он намекает здесь, говоря: «...мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях». Этот метод применяет для распознавания людей и Печорин...» [4, с. 259]. В качестве аргументации приводится ряд аналогий: одна из них – доминирование в описаниях таких черт, как зубы, глаза и др. Итог размышлений: «Печорин ... является таким же «физиологом», как и сам Лермонтов». Однако возникает вопрос, почему в этом фрагменте портрет Печорина приписывается Лермонтову, а не «странствующему офицеру». Да и литературные ассоциации в этом эпизоде (например, упоминание Бальзака) тоже намечают кругозор повествователя, так как именно в его сознании рождается сравнение Печорина с «бальзаковой тридцатилетней кокеткой».

Один герой, сам автор понимаются комментаторами через другого, и выявляемые аналогии, общность в их мировоззрении и судьбе становятся для этого основанием. При таком подходе рассказчик не интересен как индивидуальность, не обретает плоть как «реальный образ» (вспомним мысль В. Мануйлова), а остается своего рода формулой, условностью.

При всех очевидных совпадениях в судьбах образ рассказчика нельзя признать автобиографическим: это, как и Печорин, и Максим Максимыч, герой типический. Он один из того поколения, над судьбой которого размышляет Лермонтов в романе. Думается, что реплика из авторского предисловия: «Ему <автору> просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал» – равно может быть отнесена и к Печорину (а именно о нем в данном случае и идет речь), и к повествователю. Это разные типы личности, сосуществующие в одном поколении. Данное обстоятельство обусловило и сходство биографий. Типичным было путешествие на Кавказ, и не только «по казенной», но и собственной «надобности». В. Мануйлов в своем комментарии дает обширную справку на этот счет [4, с. 199]. По Кавказу ездил и опубликовал записки А.С. Грибоедов. А.С. Пушкин совершил поездку на Кавказ, итогом которой стало «Путешествие в Арзрум». Кавказ прочно ассоциировался с оппозиционностью, был «идеологической антитезой» [5, с. 230] российской действительности. Типичным было и стремление вести записки, дневники. Итак, все сходства внешние, внутренний мир героев принципиально различен. Автор записок во-

площадет другой психологический тип, другой тип отношений с миром, нежели главный герой. Пожалуй, самую развернутую характеристику этому персонажу дает А. Аникин в пояснениях к комментарию С.Н. Дурылина. Исследователь исходит из того, что в романе представлены «три основных характера: Печорин, Максим Максимыч и – скромный рассказчик» [3, с. 136], «...он, скорее всего, бывший офицер и ближе всего – к самому автору...» [3, с. 134], это позволяет ему сделать вывод о сходстве героя-рассказчика в «Герое нашего времени» с образом автора в «Евгении Онегине». А. Аникин воссоздает личностный и психологический портрет повествователя. В нем он выделяет такие доминирующие черты, как приятие жизни, созерцательность, склонность к наблюдению, пассивность, скромность, аскетичность, непривязанность к быту... Исследователь делает и такие наблюдения: «Он предельно вежлив, скромен и покладист, лишен всякой гордыни, подчеркнута мягок и отзывчив» [3, с. 134]; «Основное его поприще – пристальное внимание к жизни, к людям и их судьбам. Его самоопределение – всего лишь как путешествующие и записывающие люди. Но он, конечно, и мыслитель, философ нравственности, впрочем, далекий пока от решительных обобщений. Он готов принять жизнь во всем как она есть, без резкого анализа и основательных выводов. Он переживает и религиозный опыт...» [3, с. 135]; «...он явно *щущий* герой, формирующий свою личность. А пока, в поиске истины – тонко рисующий картины жизни» [3, с. 135]; «При всем расположении к людям, он очевидно одинок и пребывает в постоянной грусти и задумчивости. Впрочем, суд его о людях достаточно четок, а порой жесток и откровенен» [3, с. 135].

Итоговый вывод-вопрос исследователя таков: «Не стремился ли сам Лермонтов именно в рассказчике обозначить и еще одного героя своего времени, и вероятный поворот в своей собственной судьбе, с мечтаниями о грядущей отставке от воинской службы и, стало быть, о каком-то новом поприще? Не в таком ли облике думал возвращаться Лермонтов с Кавказа после ухода со службы?» [3, с. 136]. С его точки зрения, странствующий офицер в сфере жизнестроительства **победил** Печорина, так как он сумел найти «зоны» взаимодействия с жизнью, не встал на путь разрушения.

Как видно из вышесказанного, А. Аникину удастся избежать общих слов, формул при характеристике персонажа, показать, что само поколение разнообразно, – это и позволяет ему

рассматривать героя как «альтернативу печоринскому типу» [3, с. 134] (подобно Максиму Максимычу). Однако ряд наблюдений этого исследователя, а также его предшественников требует уточнений. Так, например, А. Аникин говорит о пассивности героя, «даже вялости на фоне остальных» [3, с. 134]. Действительно, этот герой не показан в активном поступке, как Печорин. Он не человек активного действия, как главный герой, однако обладает даром воздействия на другого, только делает это исподволь, ненавязчиво и незаметно. Проявляется данное качество в том, как он выстраивает процесс общения. В «Бэле» герой целенаправленно, тактично, деликатно сумел «разговорить» Максима Максимыча, направил беседу в нужном ему направлении, создал ситуацию, при которой рассказ начал осуществляться сам, естественным образом. Герой не форсирует события, находится в тени, и хотя заинтересован в рассказе, готов отказаться от своего желания.

Трудно согласиться и с тем, что повествователь – один из «лишних людей»¹. С.Н. Дурылин пишет: «Максим Максимыч причисляет офицера-путешественника к тому же столично-дворянскому кругу, к которому принадлежит Печорин. У них, действительно, общий социальный паспорт и много общих психологических черт: «охота к перемене мест», тяга к природе, любовь к Байрону и пр. Поскольку личность офицера-повествователя проступает сквозь его рассказы, он также **принадлежит к числу «лишних людей»** (выделено мной. – И.Ю.), у него чувства и язык общие с Печориным и многие страницы его записок мог бы написать Печорин, как, в свою очередь, офицеру-путешественнику могли бы принадлежать страницы «Тамани» или «Фаталиста» [3, с. 176–177].

Материал произведения не дает оснований утверждать, что герой принадлежит к данному литературному типу.

«Лишний человек» подвержен скуке, хандре, которая есть следствие невозможности реализовать себя на каком-то жизненном поприще. Стремлением заполнить пустоту обусловлена и «охота к перемене мест». Действительно, повествователь-автор записок странствует: что-то гонит его из России на Кавказ, но нет указаний, что причина этого – скука, хандра, разочарованность в жизни, опустошение. Более того, герой находит сферу для самовыражения, реализации своих духовных потребностей: его жизнь наполнена литературой. Ему удастся опубликовать записки, в которые вошел и «Журнал Печорина». Все, что попадает в сферу

его внимания, воплощается в художественную форму, и это не просто записки для себя, наброски для памяти. Записи ведутся, чтобы быть опубликованными, дойти до читателя. В «Бэле» есть деталь, показывающая, как пересоздаются первичные впечатления. Песню Казбича повествователь передает в стихотворной форме, при этом сам предупреждает читателя: «Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка – вторая натура». Литературный труд, взаимодействие с читателем, пусть и в редуцированном виде, но представлены в романе.

Есть еще один существенный момент, не позволяющий атрибутировать героя как «лишнего человека». Его жизнь дана в динамике: эволюция скрыта, смикширована, однако в романе отчетливо намечаются прошлое (странствия по Кавказу) и настоящее (работа и издание романа о Печорине). Герой предстает перед читателем на разных этапах своей жизни: и когда осваивает новую для себя реальность, которая становится объектом изображения в литературном произведении (это этап отбора жизненных фактов, формирования сюжета возможного романа), и когда выпускает свое произведение в свет, делает его фактом литературы, ожидает откликов, диалога с читателем... Так намечается временная протяженность, а судьба героя предстает как незавершенная и неисчерпанная (на что указывает и возможность новых произведений). И динамика – это не тупиковый путь или блуждание по кругу, как у Печорина, а путь, ведущий его к людям. О том, что это движение не случайно, свидетельствует также заинтересованное внимание к чужой жизни, в частности к миру горцев [4, с. 240], тогда как «лишний человек» погружен в себя, в самоанализ.

Можно говорить о диалогичности сознания повествователя, которая проявляется, например, в обращенности к читателю, что также отличает его от монологичного Печорина, мысль которого сосредоточена на осмыслении движений собственной души и на поиске ответа на вопрос о своем предназначении.

«Странствующий офицер» воплощает в себе принципиально другой, нежели Печорин, тип сознания. Печорин – интуитивист. Он доверяет предчувствиям, смутным, неосознанным ощущениям, у него существует целая система предубеждений. Рассказчик, напротив, претендует на объективность, его повествование характеризуется «подчеркнуто-трезвым тоном» [1, с. 143]. Он иронизирует над преданиями, легендами,

бытующими в массовом сознании, о чем свидетельствуют ироничные реплики о Чертовой долине, о кресте, воздвигнутом Петром I. Упоминание о Гамбе, кресте показывает, как преодолевается книжное знание, как утверждается приоритет факта над вымыслом. Это становится актуальным в связи с проблемой творческого порядка: как создается роман. Герой-повествователь сюжет для своего произведения берет из жизни, его роман рождается из опыта, личных наблюдений, а не придумывается. В «Бэле» проступает и такой полемический литературный план: повествователь воспринимает Кавказ сквозь призму путевой литературы той поры, соотносит то, что написано, с тем, что познает сам. Трудно сказать, что первично: почерпнутые из литературы знания о Кавказе или непосредственные личные впечатления. Важно, что реальность не соответствует прочитанному: в существующих путевых записках много ложного, неточного, искаженного, фальсифицированного. Так возникает скрытая полемика и с жанром путевых записок, и со стереотипами, утвердившимися в массовом сознании. Так очерчивается взгляд человека, стремящегося точно и достоверно воссоздать увиденное (в этом и проявляется художественная установка на объективность).

В записках проявляется взгляд человека, уже осмыслившего свои первичные реакции, впечатления, уже обретшего дистанцию по отношению к произошедшим событиям. Так анализ наслаивается на первичные ощущения, непосредственно переживаемое.

У повествователя иное, чем у Печорина, отношение к числу. Как издатель дневника главного героя, он сетует на отсутствие точных датировок в журнале². Но их и не могло быть, ведь Печорин вел дневник время от времени, записи делал произвольно: либо по ходу событий, либо *postfactum*, по прошествии времени, на досуге, когда возникала потребность в такой записи, когда этому способствовали внешние обстоятельства: в крепости – скука, необходимость осмыслить произошедшее, в Пятигорске (на водах) – азарт интриги... Дневник создается для себя. Многие записи ведутся время от времени, с перерывами. Если запись делается по прошествии времени, то дата может быть забыта, помниться приблизительно. События могут выстраиваться по какой-то собственной хронологии, и внутреннее чувство времени может не совпадать с реальным – так и трансформируется истинная дата. Но точная датировка важна для издателя как биографа, как исследователя чужой жизни, то есть в том случае, когда возника-

ет исследовательский подход по отношению к чужой личности. Отсутствие точных датировок приводит А. Аникина к выводу, что «Журнал Печорина» – «чисто художественное произведение, а не хроника реальных событий» [3, с. 194]. А разветвленная система повторов, словесных совпадений, дублетных реплик из «жизненной» и дневниковой частей романа только утверждает его в этом мнении. Но коль скоро «Журнал Печорина» – вымысел, мистификация, возникает вопрос об авторстве. А. Аникин высказывает мысль, что автор путевых записок – Белкин. Идея оригинальная, но несостоятельная, так как повествователь и Белкин – разные сознания, у них несовпадающий жизненный кругозор. Они оба записывающие герои. Но один – аналитик, имеющий широкий культурный кругозор, способный найти в жизни сюжет для романа, другой лишь фиксатор чужих историй, «записчик». Один художественно пересоздает действительность, другой говорит об отсутствии этих способностей у себя. Один интересуется «историями» (чем и является рассказ Максима Максимыча), другой ориентирован на «анекдот» (рассказы ключницы), и реакция на них у героев разная. Одного влекут новые впечатления, новый, экзотический мир, чужая культура, обычаи, он их воспринимает, впитывает не только как этнограф, но и как художник, его представления о мире не статичны, а подвижны, это расширяющийся кругозор. Другой (Белкин) тяготеет к повторяемости, припоминанию обычного³. Различен и литературный контекст, формирующий их художественные вкусы: «Письмовник» Курганова у Белкина и литература, в которой изображается современный человек, у спутника Максима Максимыча.

Лермонтовскому герою важно увидеть свое произведение опубликованным, вступить в диалог с читателем. У Белкина есть тяга к писательству, но нет авторских амбиций, его печатное слово увидит свет только после его смерти.

Образ странствующего офицера, как было сказано выше, создается с явной ориентацией на другого пушкинского героя – автора в «романе в стихах» «Евгений Онегин». Да и сам рассказчик дает в своем тексте намеки на этот литературный источник. Один из них – фамилия главного героя, которая является его приобретением: публикуя роман, он «переименовал все собственные имена», и в этом контексте выбор фамилии приобретает особый смысл.

Героем романа «странствующего офицера», романа, выросшего из жизни, стал Печорин.

Повествователь отделяет себя от Печорина не только как автор от своего творения: Печорин для него другой, не соответствующий «моему» тип личности. Эту загадку чужой личности, вслед за Максимом Максимычем, он и пытается разгадать. И для себя разгадывает. Но, как замечает Б.Т. Удодов, «точка зрения повествователя, его оценки даются с позиций «овнешнего», а потому и «закрытого», завершеного изображения Печорина как незаурядного, но конечного земного человека, в жизни которого смерть ставит точку его исканиям, стремлениям, «делам и приключениям», попыткам найти свое место не только в обществе, но и в мире, обрести смысл своего в нем существования. Внешняя биография Печорина, рассказанная повествователем, представляет собой историю несостоявшейся судьбы яркой, духовно богатой личности, жизнь которой заканчивается «ничем» – бессмысленной смертью на дороге из Персии, в которую неизвестно зачем он ездил. Таково, по сути, содержание «записок», «автором» которых является офицер-повествователь» [1, с. 132]. Однако, на наш взгляд, можно говорить о том, что восприятие рассказчиком Печорина все же было подвижным. Есть «завершенность», оформившееся представление об этой личности, но истории так отобраны и так расположены, что «окончательный приговор» как бы дезавуируется зазвучавшим голосом Печорина. А потому и сам повествователь не дает однозначной, определенной оценки не только Печорину, но и всему поколению: «Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. – «Да это злая ирония!» – скажут они. – Не знаю». Так завершает рассказчик свое предисловие к журналу Печорина. Истинное мнение остается скрытым, в последней реплике размышлений рассказчика сквозит все та же нерешенность.

Примечания

1. Я не берусь в данном случае рассуждать об удачности и неудачности обозначения данного социально-психологического типа.

2. Исследователи заметили, что нет точности датировок и в самом романе. Существуют два варианта датировок: в прижизненном издании романа и издании Б.М. Эйхенбаума (Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Б.М. Эйхенбаума. М.-Л.: Гослитиздат, 1947–1948). Версия Б. Эйхенбаума чаще всего воспроизводится в современных публикациях.

3. См. подробнее: Юхнова И.С. Провинциальный мир в контексте проблемы общения // Болдинские чтения. Нижний Новгород: Вектор ТиС, 2008. С. 328–341.

Список литературы

1. Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.: Просвещение, 1989. 191 с.
2. Скачкова О.Н. Эволюция повествовательной формы от цикла повестей к роману («Русские ночи» В.Ф. Одоевского и «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова) // Актуальные вопросы современного лермонтоведения. Литературоведение. Киев: УМК ВО, 1989. С. 121–122.
3. Дурьлин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова: Комментарии. М.: Мультиратура, 2006. 296 с.
4. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / Предисловие В.А. Мануйлова. Комментарии В.А. Мануйлова и О.В. Миллер. СПб.: Академический проект, 1996. 371 с.
5. Зотов С.Н. Художественное пространство – мир Лермонтова. Таганрог: ТГПИ, 2001. 322 с.

THE IMAGE OF AN ERRANT OFFICER IN LERMONTOV'S NOVEL «THE HERO OF OUR TIMES»

I.S. Yukhnova

The subject of this article is the image of an errant officer. This character is a narrator and a publisher of his voyage notes and «Pechorin's journal». The hero is characterized as an alternative psychological type to Pechorin.